

Окружающий мир как симулятивная реальность: о коммуникационных основах современного мировоззрения

The world around us as a simulated reality: on the issue of the contemporary worldview's communication foundations

DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-20-40
УДК 316.776.23

Получено: 05.07.2022

Одобрено: 11.09.2022

Опубликовано: 21.10.2022

Володенков С.В.

д-р полит. наук, доцент, главный научный сотрудник научно-проектного отдела Научно-инновационного управления Государственного академического университета гуманитарных наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Volodenkov S.V.

Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Research and Design Department of the Scientific and Innovation Department of the State Academic University for the Humanities, Professor of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию коммуникационных оснований феномена мировоззрения, который рассматривается в качестве субъективной системы восприятия, интерпретации и оценки событий, процессов и явлений окружающего мира, а также стратегий поведения, базирующейся на целостной непротиворечивой совокупности убеждений, ценностей, символов и смыслов, носителем которых выступает индивид или социальная общность. В работе предложена концептуальная призма функционального анализа мировоззрения, в основу которой положен закон необходимого разнообразия систем У.Р. Эшби. В рамках предложенной концептуальной призмы автор исследует структуру феномена мировоззрения, а также функциональный дуализм коммуникационных инструментов, используемых в процессах формирования мировоззренческих компонент. В статье анализируется актуальное состояние процессов формирования мировоззрения в современном мире. Особое внимание уделено роли традиционных средств массовой информации и современных цифровых информационно-коммуникационных ресурсов, посредством которых в актуальных условиях глобализации предпринимаются попытки элиминации мировоззренческого разнообразия и формирования единой системы мировоззрения, основанной на универсальной системе ценностей, смыслов, символов и представлений. В связи с этим выдвигается тезис о возникновении в современном мире линии напряжения, связанной с ценностно-смысловым конфликтом, в рамках которого противопоставляются сценарии сохранения разнообразия традиционных национальных систем мировоззрения либо их полной замены на современные симулированные медиаконструкты, поддерживаемые на глобальном уровне ведущими геополитическими акторами. В рамках анализа данных

сценариев отдельное внимание уделяется необходимости обеспечения национального информационного суверенитета, как способности государства сохранять собственное мировоззренческое разнообразие на национальном уровне. В статье показано, что в актуальных условиях технологических трансформаций и формирования глобального цифрового пространства конструирования универсальных смыслов, ценностей и культурных кодов традиционные национальные системы мировоззрения подвергаются существенному внешнему воздействию и значительным рискам трансформации. В заключение делается *вывод* о том, что современный человек в силу своей оторванности от высокодинамичного и сложного мира вынужден использовать для формирования собственного миропонимания лишь смещенные относительно реальности объяснительные медиамодели, конструируемые при помощи информационно-коммуникационных ресурсов. Данные объяснительные модели формируют картину представлений о мире, а также «корректный» мировоззренческий комплекс.

Ключевые слова: мировоззрение, массовое сознание, коммуникация, информационная капсула, симулятивная реальность, цифровая коммуникация.

Abstract

This article is devoted to the study of the communication foundations of the worldview phenomenon, which is considered as a subjective system of perception, interpretation and evaluation of events, processes, and phenomena of the surrounding world, as well as behavioral strategies based on a holistic, consistent set of beliefs, values, symbols and meanings, the bearer of which is an individual or social community. The paper proposes a conceptual prism of the functional features of the worldview, which is based on the law of the necessary diversity of W.R. Ashby. Within the framework of the proposed conceptual prism, the author explores the structure of the worldview phenomenon, as well as the functional dualism of communication tools used in the processes of worldview formation. The article analyzes the current state of the worldview formation processes in the contemporary world. Special attention is given to the role of traditional media and modern digital information and communication resources, through which, under the current conditions of globalization, attempts are made to eliminate worldview diversity and form a single worldview system based on a universal system of values, meanings, symbols, and ideas. In this regard, the thesis is put forward about the emergence in the modern world of a line of tension associated with a value-semantic conflict, within which scenarios of preserving the diversity of traditional national worldview systems or their complete replacement with modern simulated media constructs supported at the global level by leading geopolitical actors are opposed. As part of the analysis of these scenarios, special attention is paid to the need to ensure national information sovereignty, as the ability of the state to maintain its own diversity at the national level. The article shows that in the current conditions of technological transformations and the formation of a global digital space for constructing universal meanings, values and cultural codes, traditional national worldview systems are subject to significant external influences and significant risks of transformation. The author concludes that the contemporary man, due to his isolation from the highly dynamic and complex world, is forced to use only explanatory media models that are displaced relative to reality and constructed with the help of information and communication resources to form his own worldview. These explanatory models form a picture of ideas about the world, as well as a “correct” worldview complex.

Key words: worldview, mass consciousness, communication, information capsule, simulated reality, digital communication.

*С малых лет у них на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места,
и видят они только то, что у них прямо перед глазами,
ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков*
Платон, «Государство»

Благодарности

Исследование выполнено в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках проекта «FZNF-2022-0001 - Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой среде» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

Введение

Проблема соотношения мировоззрения и коммуникации является в нашем представлении крайне актуальной в условиях современных глобальных трансформаций в целом спектре ключевых для жизнедеятельности государства и общества сфер – технологической, информационной, культурной, социально-политической, экономической. Глобализация, размывание границ в современном мире, экстерриториальный характер информационно-коммуникационных технологий, появление и активное развитие таких явлений, как post-truth и truth decay создает, по нашему мнению, значимые кумулятивные и синергетические эффекты, и прежде всего – в сфере трансформаций массового сознания, которое развивается сегодня не только в соответствии с классическими принципами, описанными еще древнегреческими философами, но и на основе новых принципов и моделей, формирующихся во многом в рамках быстрого движения человеческой цивилизации в турбулентном режиме к определенной точке сингулярности.

В условиях медиатизации и виртуализации (в первую очередь, цифровой) современных массовых представлений о социально-политической реальности, характеризующихся значительным уменьшением роли прямого опыта в познании мира, и, одновременно, существенным (и даже критическим) повышением роли опосредованных коммуникаций в процессах формирования миропонимания, мы можем констатировать существенные искажения объективной действительности в сознании масс, в связи с чем возникает вопрос о том, каким трансформациям подвергается традиционное мировоззрение людей, и какие факторы влияют на формирование мировоззренческих компонент в современном мире.

К таким факторам мы в первую очередь относим изменения в информационно-коммуникационном пространстве, в рамках которого рождаются новые эффекты, способствующие, в свою очередь, трансформациям традиционного мировоззрения. Безусловно, происходящие в информационно-коммуникационном измерении нашего мира изменения являются не стихийными, даже во многом целенаправленными, и политико-экономические интересы глобальных акторов, а также национальных элит (в случае их независимости), безусловно, влияют на параметры транслируемого в массовое сознание контента. Однако, технологические трансформации, меняющие характер самой коммуникации, являются не менее значимым фактором, при том, что зачастую предугадать характер таких изменений, носящих противоречивый характер, даже в ближайшем будущем затрудняются не только обычные граждане, но и специалисты в сфере социально-политических коммуникаций в связи с упомянутой выше турбулентностью и высокой скоростью самих актуальных технологических трансформаций, а также нелинейным развитием цифровых технологий коммуникации в аспекте их внедрения в ключевые сферы жизнедеятельности государства и общества. «Именно нарастание скорости изменений, связанных с новейшими технологиями, выступает важнейшим фактором доминирования неопределенности и непредсказуемости, а значит, и опасности случайного выбора траектории развития. И это является отличительной чертой нашего времени» [12, с. 11].

Такого рода непредсказуемость, с одной стороны, затрудняет сценарирование и прогнозирование в сфере информационно-коммуникационного воздействия на массовое сознание, а с другой – снижает потенциал рефлексии самими гражданами по поводу осознанного использования ими современных технологических возможностей. Кроме того, технологические изменения сами становятся фактором трансформации традиционных государственных и общественных институтов, а также ценностно-смысловых компонент человеческого существования. Как пишет в этой связи М. Шанахан, «экспоненциальный технологический прогресс принесет с собой такие масштабные перемены, что деятельности человека, как мы ее понимаем сейчас, придет конец. Привычные нам институты — экономика, правительство, государство, закон — могут не сохраниться в их нынешней форме. На смену базовым общечеловеческим ценностям... могут прийти другие ценности. Само наше представление, что означает быть человеком... может быть оспорено, причем не просто в рамках философских рассуждений, а в силу обстоятельств, прямых и непосредственных» [24, с. 13]. Схожего мнения о роли технологий в современном мире придерживается и В.В. Миронов, отмечая, что «технологии из чисто вспомогательного средства превращаются в самостоятельный доминирующий фактор ... Процессы технологического развития не просто являются чем-то внешним, но пронизывают всю жизнь общества и индивида, в ряде случаев модифицируя ее под данные технологии. Подвергаются изменению и развитию базовые философские представления о мире и бытии» [12, с. 4].

Кроме того, нам представляется, что на сегодняшний день формируется своего рода глобальная линия напряжения, связанная с решением вопроса о сохранении традиционного национального мировоззрения либо его полной замене на современные симулированные медиаконструкты, поддерживаемые на глобальном уровне ведущими геополитическими акторами. Технологически сегодня традиционные процессы социализации, в рамках которых осуществляется формирование ценностно-смысловых координат личности, обеспечивается межпоколенческая преемственность представлений, мифов, верований, интерпретаций исторических событий, может быть заменена на реалистичные объяснительные модели, искажающие либо же полностью замещающие традиционные представления о реальности. С учетом активного распространения технологий Big Data и возможностей точечного анализа персональных профилей простых людей, возникает возможность реализации сразу нескольких сценариев: от жесткого информационного мировоззренческого капсулирования целевых аудиторий (как с возможностью добровольного выбора наиболее привлекательной капсулы, так и без таковой) до точечного таргетирования и создания персональных реальностей на основе трансформации существующих либо формирования новых мировоззренческих моделей. В любом случае, как хорошо известно, сознание не терпит пустоты, личность нуждается в объяснительных моделях реальности и заданных обществом ценностно-смысловых координатах, символах, рамках социально-приемлемого действия. Но каково будет такого рода наполнение массового сознания в содержательном смысле уже в ближайшем будущем, насколько оно будет симулятивным, представляется нам вопросом, не имеющим четко определенного ответа. Является ли сегодня коммуникация инструментом и методом трансляции мировоззренческого контента либо же выступает технологией формирования мировоззрения? Именно анализу сложившейся ситуации по данным вопросам и посвящена настоящая работа.

Методология исследования

Для решения поставленной в исследовании задачи применяется метод критического анализа, позволяющий рассмотреть комплекс актуальных представлений о феномене мировоззрения и роли информационно-коммуникационных процессов в его формировании.

Метод сравнительного анализа используется в рамках определения существенной специфики диджитального конструирования социально-политической медиареальности в сравнении с традиционными подходами к информационно-коммуникационному влиянию на миропонимание человека и его представления об окружающем мире в целом.

Методы прогнозирования и сценарирования были использованы для построения прогнозов и сценариев применения цифровых коммуникационных технологий воздействия на массовое сознание применительно к рассмотрению вопроса о возможностях сохранения либо разрушения традиционных систем мировоззрения в актуальных условиях глобализации и цифровых технологических трансформаций.

Функциональные особенности мировоззрения: концептуальная призма

Для рассмотрения обозначенных нами исследовательских вопросов необходимо предложить соответствующую концептуальную призму рассмотрения функциональных особенностей мировоззрения.

В рамках теории организации хорошо известно, что любая организованная система, включая социальную, политическую, экономическую и другие, стремится к самосохранению и поддержанию своего равновесия. Нам представляется, что для достижения данной цели системе необходимо контролировать состояние окружающей ее среды как для эффективной адаптации к ней, так и для возможной трансформации среды с учетом особенностей и параметров самой системы. Кроме того, любая организованная система для своего самосохранения нацелена на обеспечение четкого внутреннего содержательно-функционального единства, непротиворечивости своего развития. При наличии контроля за внешней средой (включая понимание законов и принципов ее функционирования, что позволяет адаптироваться к внешней среде либо даже трансформировать ее в интересах системы³) и в условиях внутреннего единства и непротиворечивости входящих в нее подсистем и элементов система имеет наилучшие шансы для выживания и самосохранения.

Нам представляется, что для обеспечения таких «комфортных» условий для функционирования и развития системы ключевым и критически важным становится принцип универсальности и единообразия, позволяющий системе «понимать», как осуществлять то или иное действие по отношению как к внешней среде, так и к внутренним подсистемам и элементам, которые в целом мы можем обозначить в качестве управляемой системы (в данном случае сама система выступает в качестве управляющей). В случае высокого разнообразия, превышающего возможности самой управляющей системы, потенциал ее выживания может существенно снижаться, а перспективы системы в аспекте ее самосохранения также становятся весьма неоднозначными и непредсказуемыми.

Неслучайно У.Р. Эшби сформулировал закон необходимого разнообразия [25], исходя из которого мы можем рассматривать большее разнообразие управляющей системы по отношению к системе управляемой как основу обеспечения жизнеспособности и эффективного развития первой. Иными словами, для эффективного управления необходимо обеспечить превышение разнообразия управляющего над управляемым.

Применительно к социальным системам для их выживания существуют два основных сценария: повышение сложности и разнообразия управляющей системы либо же принудительное снижение сложности и разнообразия системы управляемой (включая входящих в нее индивидов). Неслучайно, на протяжении многих веков в таких формах социума, как племена, традиционные общины (включая этно-национальные, религиозные и др.), практически недопустимым становилось проявление иных верований, отказ от традиций и традиционных моделей поведения, следование иным, чем принятые в данном социуме, правилам, законам.

---

³ Применительно к высокому разнообразию среды, например, сложно представить себе шансы на выживание человека в среде, в которой физические параметры, такие как температура, давление, гравитация, законы физики в целом не являются универсальными и изменяются от локации к локации по неизвестному принципу. Аналогично, если перенестись из физического в социальное пространство, обладающее высоким разнообразием, то мы можем столкнуться с ситуацией, в которой социальные нормы, принципы, правила могут с высокой степенью интенсивности изменяться в пространственно-временном измерении, не позволяя выработать человеку устойчивую модель социального поведения, гарантирующую ему эффективное выживание.

Для достижения единства и непротиворечивости в функционировании и развитии системы все ее элементы действовали в соответствии с единой целью, которая обеспечивалась единообразием и универсальностью ценностей, смыслов, мировоззренческих компонент, традиций, социальных норм и правил, моделей поведения. Устойчивый и консолидированный социум, как правило, имеет единообразное правовое и экономическое пространство, общую историю, мифы, культуру, язык, символы, ритуалы, единого главу.

Система всегда строго следила за потенциалом своего самосохранения и в жесткой форме противодействовала попыткам внести дополнительную сложность или разнообразие в управляемую систему, активно внедряя в социальную практику принцип «свой-чужой», изгоняя из себя (или уничтожая) «еретиков», «отщепенцев», «девиантов», превращая нарушителей баланса сложности и разнообразия между управляющей и управляемой системами в изгоев⁴. Сформировавшиеся позднее государства придерживались аналогичной практики, обеспечивая свое самосохранение при помощи поддержания единообразия и универсальности управляемой системы, включая социальные институты и граждан⁵.

Очевидно, что с учетом того факта, что в эффективной жизнеспособной системе все входящие в нее подсистемы и элементы должны преследовать единую цель, формирование и обеспечение универсальности такой цели становилось принципиальным условием самосохранения и развития системы. И основным инструментом формирования общих целей становилось мировоззрение, обеспечивавшее единое понимание миссии государства и общества, единые представления о боге, окружающем мире, предках, о друзьях и врагах, о «правильных» идеях, ценностях и смыслах, принятых и исповедуемых в конкретной социальной системе, о социально-приемлемых правилах и нормах поведения.

Мировоззрение выступало в качестве императивной объяснительной модели социальной реальности для конкретной социальной системы, выполняя во многом инструментальную, хотя и сакрализованную функцию. Инструментальная функция имела сразу две стороны – мировоззрение, с одной стороны, служило инструментом снижения разнообразия и сложности управляемой социальной системы, а с другой – выступало мощным механизмом системной консолидации общества со стороны управляющих им институтов (как государственно-политических, так и религиозных, экономических и иных).

В случае же существенных трансформаций мировоззренческих компонент либо разрушения (намеренного либо ненамеренного) определенной мировоззренческой парадигмы социальная система сталкивалась с соответствующими трансформациями и даже деструктивными процессами практически во всех жизненно важных сферах своего существования.

Исходя из предложенной нами концептуальной призмы можно соответствующим образом трактовать многие исторические институты, события и процессы: Святую инквизицию как институт борьбы с ересью (т.е. с попыткой увеличения религиозного разнообразия и нарушения принципа универсальности и единообразия), Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 г., сопровождавшуюся массовыми убийствами католиками протестантов-кальвинистов (гугенотов) во Франции, маккартизм и культуру отмены в США, и многие другие.

Безусловно, мировоззрение в силу своей сложности и многогранности не ограничивается предложенными нами рамками в аспекте формирования, содержания и функций. Тем не

---

⁴ Точнее, речь идет не о поддержании баланса, а о сохранении преимущества в сложности и разнообразии именно управляющей системы.

⁵ Помимо государств, принципа единообразия и универсальности придерживались в своей деятельности и иные социальные системы, например, религиозные. Неслучайно Никейский собор, состоявшийся в 325 г., в рамках реализации данного принципа сформулировал и принял единый Символ веры, как единую форму вероисповедания. Одновременно были приняты единые церковные каноны, а также определен единый день празднования Пасхи. В дальнейшем формирование различных конфессий (а, следовательно, повышение разнообразия христианского мира), сопровождавшееся жестким противодействием со стороны официальных церковных властей, вновь подорвало единство христианской церкви как единого универсального института управления христианским миром.

менее, мы попытались показать базовый функционал мировоззрения, ключевых инициаторов его формирования и трансформации.

Функциональный дуализм коммуникационных инструментов в процессах формировании мировоззрения

Прежде, чем обратиться к вопросу о роли коммуникаций в формировании и трансформации мировоззрения, необходимо рассмотреть содержание и структуру мировоззрения как такового. В зарубежной и отечественной научной литературе данная тема разработана достаточно глубоко. Так, Т.И. Ойзерман, И.И. Жбанкова и Л.А. Мясникова в своей работе определяют мировоззрение как «систему человеческих *представлений и знаний* о мире и о месте человека в мире, выраженную в *ценностных установках* личности и социальной группы, в *убеждениях* относительно сущности природной и социальной действительности» [15]. В свою очередь, Р.Ю. Рахматуллин и Д.З. Хамзина рассматривают мировоззрение, как «совокупность *убеждений* субъекта относительно значимых для него слагаемых его мира» [19, с. 157]. Таким образом, *система убеждений субъекта становится основой формирования его картины мира*, относительно которой И.М. Дзялошинский пишет следующим образом: «картина мира выступает как целостная, опирающаяся на мировоззренческие представления, концептуальная модель мира в единстве его сущностных и явленческих сторон. Она определяет, что человек видит в действительности, какие взаимосвязи между явлениями представляются ему существенными, а какие случайными; обеспечивает структуризацию и систематизацию разнообразных впечатлений, сведений о реальном мире» [5, с. 379]. Также И.М. Дзялошинский уточняет, что «картина мира человека строится из *понятий* и *образов*» [5, с. 379].

Таким образом, мы можем выделить ключевые компоненты мировоззрения как системы: *представления, ценности, убеждения, понятия, образы*. Сюда мы также считаем необходимым отнести такую компоненту, как *знаки и символы*, которые несут значимую ценностно-смысловую нагрузку.

Исходя из данных представлений, мы можем определить мировоззрение как *субъективную систему восприятия, интерпретации и оценки событий, процессов и явлений окружающего мира⁶, а также стратегий поведения, базирующуюся на целостной непротиворечивой совокупности убеждений, ценностей, символов и смыслов, носителем которых является индивид или социальная общность*.

В соответствии с нашей концептуальной призмой, для обеспечения целостности и единства социальной общности, обеспечения возможностей эффективного управления ею и предотвращения распада ввиду экстремального уровня разнообразия, необходимо обеспечение соответствующего единообразия и универсальности выделенных нами компонент со стороны управляющей системы. Неслучайно Д.Г. Подвойский пишет применительно к ценностно-смысловым и знаково-символьным компонентам мировоззрения о том, что «коллективное (вос)производство и артикуляция смыслов/ценностей в формах совместной человеческой деятельности и общественного сознания сопровождаются (вос)производством знаково - символических систем, составляющих важную компоненту объективированного универсума социальной жизни». [17, с. 4.]. При этом «символическое полотно социокультурной жизни должно быть в известной мере генерализ(ир)ованным, даже если само общество, его создающее, высоко дифференцировано. Это своего рода функциональная неизбежность или социальное априори. Обобщенный характер символических систем нужен отдельному индивиду, нужен индивидам в конкретных ситуациях взаимодействия лицом к лицу и нужен обществу на институциональном уровне. Символам участники взаимодействия должны приписывать более или менее одинаковое значение, иначе интеракция не состоится и общество развалится на атомарные составляющие» [17, с. 7].

---

⁶ Не только мира физического, но также социального, духовного, формирующего субъективную реальность человека.

Очевидно, что сказанное Подвойским в полной мере относится, по нашему мнению, не только к ценностям и смыслам, но также и к убеждениям, представлениям, символам, установкам, стереотипам, понятиям и образам, которые должны в идеале быть едиными и универсальными внутри социума для обеспечения консолидации входящих в него представителей.

И здесь мы можем наблюдать определенную дуалистичность коммуникации – с одной стороны, именно инструменты и каналы коммуникации формируют в процессах социализации и ресоциализации личности универсальность и единообразие мировоззренческих компонент, обеспечивающих в качестве производной соответствие «социально приемлемому стандарту» индивидуальных параметров восприятия, интерпретации и оценки общественно значимых событий, явлений и процессов, а также «безопасность» и приемлемость моделей поведения личности в социуме (что также вписывается в рамки реализации принципа универсальности и единообразия)⁷.

С другой же стороны, без наличия генерализированных мировоззренческих компонент, в первую очередь, смыслов, символов, знаков, невозможно непосредственно само эффективное коммуникационное взаимодействие в рамках социума, в котором в подобной ситуации разнообразие выступает уже в качестве системной энтропии.

В связи с этим такого рода ***«двойная функциональность» коммуникации определяет ее уникальную роль применительно к существованию социальных систем в аспекте формирования единого внутрисистемного мировоззрения.***

При этом следует отметить, что само мировоззрение не рождается в процессе коммуникации, его содержательные и ценностно-смысловые компоненты генерируются субъектами управления и управляющей системой, в дальнейшем же мировоззренческие компоненты посредством применения информационно-коммуникационных инструментов распространяются, транслируются, навязываются, формируя целостную систему мировоззрения, которая становится обыденной и традиционной в представлении людей.

Актуальное состояние процессов формирования мировоззрения в современном мире

Возникновение и интенсивное внедрение в практику общественных взаимодействий разнообразных средств, инструментов, технологий и каналов массовой коммуникации сформировало ситуацию, в рамках которой социальные, экономические, культурные, политические процессы во многом оказались медиатизированными, а массовое сознание все в большей мере подвергалось воздействию систем управления посредством медиасреды. Что касается мировоззренческой сферы, то существование современных обществ также оказалось в значительной степени подвержено влиянию информационно-коммуникационных процессов. Многие авторы в своих работах отмечают высокую степень влияния массовой коммуникации на формирование и трансформацию мировоззренческих компонент [14; 21 и др.]. Как пишет в связи с этим Ф. Уэбстер, «мы живем не в мире, о котором у нас есть какая-то информация, напротив, мы обитаем в мире, созданном информацией» [22, с. 331].

Такого рода «зависимость» мировоззрения от внешних поставщиков информации сформировало специфичную ситуацию, которая определяет высокий манипулятивный потенциал «социально приемлемых» мировоззренческих моделей, большинство из которых в соответствии с предложенной нами в данной работе концептуальной призмой нацелены на обеспечение интересов управляющей системы, которая в современном мире может быть представлена в целом как капиталистическая управляющая система. Интересы

---

⁷ В традиционном обществе наиболее «опасными» и «нежелательными» выступают даже не индивиды с альтернативными моделями поведения, а непредсказуемые личности, т.к. непредсказуемость является антагонистом ожидаемых поведенческих моделей (ожидаемых с позиций их универсальности и единообразия). Проявление ожидаемых поведенческих моделей маркирует их носителя как «своего», «безопасного», «одобряемого», равно как и наоборот – непредсказуемость поведенческих реакций маркирует их носителя как девианта, «нежелательного элемента», изгоя.

капиталистической управляющей системы очевидным образом связаны с собственным выживанием и контролем за генерирующими прибыль обществами. И современные коммуникационные ресурсы, функционирующие в глобальном коммуникационном пространстве, становятся в данном случае ключевым инструментом обеспечения такого контроля, носящего во многом тотальный характер. В своей работе «Империя» Хардт и Негри пишут о глобальном коммуникационном пространстве, как о разновидности «капиталистического производства, где капитал добивается полного подчинения общества своему режиму, в глобальном масштабе, уничтожая все альтернативные пути развития» [23, с. 322].

Очевидно, что инструменты коммуникации становятся важнейшим инструментом обеспечения контроля над массовым сознанием в глобальных масштабах, а следовательно, и инструментом решения задачи по обеспечению единообразия и универсализма в ключевых сферах жизнедеятельности государств и обществ, которые, по сути, выступают лишь элементами управляемой системы по отношению к глобальным геополитическим игрокам. Вполне понятным становятся активные попытки объявить западные ценности единственно правильными, капиталистическую экономическую модель единственно верной, а англосаксонские геополитические представления единственно возможными и допустимыми. Рассматривая попытки при помощи СМИ упростить мировоззрение человека в интересах капиталистической системы, Г. Маркузе верно указывает: «то, что средства массовой коммуникации гармонично, часто незаметно смешивают искусство, политику, религию и философию с коммерческой рекламой, означает, что эти сферы культуры приводятся к общему знаменателю – товарной форме» [10, с. 74]. О глобальном «общем знаменателе» в сфере культуры схожим образом размышляет и В.В. Миронов: «разрушается система разнородных локальных культур и происходит становление нового глобального образования, с неизбежным доминированием в нем одной или группы культур» [12, с. 4]. В свою очередь, З. Бауман в связи с этим указывает: «Вместо нормативного регулирования поведения обывателя – соблазнение потребителя; вместо насаждения идеологии – реклама; вместо легитимации власти – пресс-центры и пресс-бюро» [2, С.73-74]. Именно таким образом происходит балансировка сложности и разнообразия государственных и общественных систем в пользу управляющей системы, в данном случае – системы капиталистической. И единое универсальное мировоззрение всего человечества является одной из ключевых компонент достижения глобальной цели выживания англосаксонской модели англосаксонских элит посредством осуществления тотального контроля над жителями подавляющего числа существующих государств. Безусловно, Ф. Фукуяма поспешил, объявляя конец истории и фиксируя модель либеральной демократии не только как единственно верную, но и единственно возможную для современной цивилизации. Жизнь оказалась значительно сложнее и разнообразнее. Однако, сама формулировка работы «Конец истории» ярко демонстрирует конечную цель «демократического прогресса» - установление единого порядка, единых правил, единого мировоззрения, единого гегемона...

В рамках данной модели любые государства и общества, сопротивляющиеся установлению единого мирового порядка, традиционно объявляются изгоями и исключаются из мировых политических и экономических процессов посредством санкций, а в ряде случаев они просто подвергаются внешней военной агрессии и смене режимов на новые – «демократические». По данному сценарию осуществляется агрессивная «демократизация» в соответствии с заданными западными стандартами.

Еще раз отметим, что в данных процессах значительную роль имеют средства массовой информации, на глобальном уровне транслирующие заданный единообразный контент, позволяющий сформировать единую повестку дня, единое понимание происходящих в мире процессов, универсальное понимание добра и зла, универсальные ценности и смыслы для миллиардов людей по всему миру. Контроль над средствами производства и распространения контента является жизненно необходимым для самосохранения и выживания существующей сегодня западной системы. Неслучайно, по мнению М. Кастельса, осуществление власти,

распространение единых интересов и ценностей в подобных условиях осуществляется «на основе производства и распространения культурных кодов и информации. Контроль сетей коммуникации становится тем рычагом, при помощи которого интересы и ценности превращаются в руководящие принципы человеческого поведения» [7, с. 193]. О сути западной медиадемократии пишет и Н. Хомский, отмечая, что «в соответствии с преобладающими в США представлениями, демократия не ущемляется, если информационная система контролируется несколькими корпорациями: на самом деле в этом и заключается суть демократии» [27, с. 29]. Иными словами, корпоративные «фабрики коммуникации» [6] (как традиционные, так и современные цифровые) задают в промышленном масштабе «каждой человеческой единице соответствие заданной цели» [13, с. 49].

В итоге для современного общества остается лишь возможность взаимодействия с псевдореальной медиасредой и формирующими ее ресурсами и каналами массовой коммуникации, в подавляющем большинстве случаев при помощи сконструированных медиамodelей, искажающими объективную действительность и отклоняющими человека от реального мира, который теперь существует вне понимания, вне сознания, вне возможности его познания обывателем. Указанная нами медиасреда подменяет собой окружающую реальность, присваивая себе статус универсального поставщика информации, формирующей представления о социально-политической действительности. Как писал об этом У. Липпманн, реальный мир «находится за пределами досягаемости, видимости и за пределами сознания» [8, с. 49]. Коммуникационные ресурсы, а точнее, контролирующие их силы, присваивают себе монопольное право на формирование реальности и массовых представлений о ней. Как пишет М. Паренти, «СМИ отбирают большую часть информации и дезинформации, которыми мы пользуемся для оценки социально-политической действительности. Наше отношение к проблемам и явлениям, даже сам подход к тому, что считать проблемой или явлением, во многом определены теми, кто контролирует мир коммуникаций» [16].

Таким образом, преимущественно содержательное наполнение предлагаемых в публичном пространстве медиасуррогатов во многом формирует представления об окружающей действительности. Функционально средства массовой информации трансформируются, превращаясь из классического посредника между потребителем информации и реальным миром в единственный источник знаний о мире, оставляя доступным для масс лишь уровень медиарепрезентации реальных событий, явлений, фактов и процессов. Именно на данном уровне и формируются картины массовых и индивидуальных представлений о мире, а также «корректные» мировоззренческие комплексы. «Сознание массового человека оказывается насквозь структурировано немногими, но настойчиво внедряемыми в него утверждениями, которые, бесконечно транслируясь средствами информации, образуют некий невидимый каркас из управляющих мнений, установлений, ограничений, который определяет и регламентирует реакции, оценки, поведение публики» [20]. При этом сама субъективная реальность индивида или социальной группы определяется мировоззрением, системой убеждений и ценностей.

Любые же попытки выйти за границы объяснительных медиамodelей реальности в условиях тотального контроля над глобальными средствами массовой коммуникации изначально обречены на неудачу, о чем в своей работе писал еще Н. Луман: «Мы сопротивляемся воздействию медиа, подозревая, что нами манипулируют, но по существу это ничего не меняет, потому что знания, полученные нами из массмедиа, словно сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого укрепляют друг друга» [9, с. 8]. Более того, такого рода попытки «выхода в реальность» в большинстве случаев будут считаться системой и самим обществом социально неприемлемым действием, проявлением оппозиционности, требующим включения режима санкций и репрессий по отношению к «отщепенцу». В случае же проявления массовых нежелательных «отклонений» от существующей нормы, с целью собственного самосохранения управляющая система

немедленно включит «тотальную мобилизацию всех средств массовой информации для защиты существующей действительности» [10, с. 88].

При этом число желающих выйти за «границы» медиареальности также неумолимо сокращается, т.к. «способствуя конформизму и минимизируя возможности проявления критических настроений в обществе, коммерческие средства массовой коммуникации опосредованно, но эффективно препятствуют развитию реального критического мировоззрения» [28]. Как результат, «контроль над информацией, поглощение индивида... приводят к упадку сознания, дозированнойности и ограничению знания. Индивид не знает, что происходит в действительности; сверхмощная машина... объединяет его вместе со всеми другими в состоянии анестезии, из которого исключаются все вредоносные идеи» [10, с. 94], а «когда высокие слова о свободе и исполнении надежд произносятся соревнующимися лидерами и политиками, а затем тиражируются с помощью экранов, радио и трибун, они превращаются в пустые звуки, имеющие какой-то смысл только в контексте пропаганды, бизнеса, дисциплины и релаксации» [10, с. 74]. Как результат – «массовому человеку доступна лишь кем-то сконструированная медиакартина мира, и эта картина является основой управления обществом, неготовым к саморефлексии и критическому восприятию предлагаемых ему медийных версий реальности» [3, с. 54].

Можем ли мы надеяться в подобных условиях на то, что мировоззрение современного человека будет хоть в какой-то степени отражать истинные ценности и смыслы, а не служить интересам управляющей системы, для которой общество является лишь еще одним ресурсом для извлечения прибыли и находится под жестким управлением, предусматривающим упрощение, искажение, и даже симулякризацию реальной действительности в интересах правящих элит? «Загнанный в свою субъективность, как в изолятор» [1, с. 76], в ситуации, когда «непосредственными носителями и особенно распространителями знаний и другой социально значимой информации являются средства массовой коммуникации» [4, с. 293], человек при помощи информационных потоков оказывается отсеченным от реального мира. Вместо по факту недоступной для простого обывателя возможности осмысления реальной действительности остается лишь одна доступная «опция» - пользоваться для оценки происходящего вокруг и формирования миропонимания предлагаемыми в публичном пространстве медиамоделями псевдореальности, симуляциями, имитациями и симулякрами, которые монополизируют объяснительную функцию в отношении окружающей человека объективной реальности. Более того, по нашему мнению, медиафеномены успешно превращаются в массовом сознании в реалистичные «ноумены», подменяя собой реальные процессы, события и факты.

Очевидно, что ключевую роль в ответе на поставленный нами вопрос играют сами элиты. Суверенные национально ориентированные элиты, безусловно, способны дать ответ на этот вопрос в интересах самого общества, рискуя при этом оказаться изгоями для «мирового сообщества». При этом, большинство национальных элит (в первую очередь, мы имеем в виду европейские страны, ориентация на которых долгие 30 лет была основным приоритетом для России, пытавшейся стать частью западного мира и терявшей в связи с этим свою собственную традиционную сложность и разнообразие, которые подменялись единими западными «демократическими ценностями») на сегодняшний день не имеют какой-либо субъектности и суверенности, являясь лишь составной частью системы глобального управления миром. В такой ситуации мы можем прогнозировать геополитическое противостояние контролируемого из единого центра «западного мира», отстаивающего универсальный набор «либерально-демократических» ценностей, с суверенными странами, не готовыми к вхождению в управляемую систему государств-колоний, и стремящимися отстаивать собственные сложность и разнообразие на национальном уровне. Здесь мы не случайно употребили термин «государства-колонии», т.к., по нашему мнению, современную систему мирового устройства во многом можно охарактеризовать как «медиаколониализм», отличающийся от традиционной колониальной модели тем, что вместо принудительного извлечения ресурсов национальных государств в пользу метрополии на сегодняшний день происходит изъятие

добровольное, на основе подчинения единому гегемону, определяющему единые правила игры. И эта добровольность на уровне общественного мнения во многом обеспечивается глобальными средствами массовой информации. Неслучайно еще несколько десятилетий назад Г. Маркузе указывал, что лишь «отключение телевидения и подобных ему средств информации могло бы, таким образом, дать толчок к началу того, к чему не смогли привести коренные противоречия капитализма – к полному разрушению системы» [10, с. 323]. Сегодня же мировоззрение во многом представляет из себя лишь инструмент подчинения управляющей системе, характеризующийся своей упрощенностью, искаженностью и нацеленностью на контроль над массовым сознанием. В связи с этим основным измерением мировоззрения становится лишь его эффективность в рамках решения обозначенных задач, связанных с контролем и подчинением со стороны управляющей системы.

Особенности формирования мировоззрения в цифровом пространстве

Развитие и интенсивное внедрение в современную практику общественно-политических коммуникаций цифровых технологий и ресурсов выступает на сегодняшний день значимым фактором, влияющим на формирование массовых представлений пользователей о социально-политической реальности. Однако, тенденции цифровизации ключевых сфер жизнедеятельности современных государств и обществ также вписываются в предложенную нами концептуальную призму.

Первоначальный «наивный» этап развития Интернета во многом ассоциировался с возможностями глобального демократического транзита, минуя национальные границы. Конец 1990-х и 2000-х гг. во многом может быть охарактеризован как время развития Интернета вне рамок государственного контроля и регулирования. Благодаря такой ситуации технологии интернет-коммуникаций эволюционировали с высокой степенью динамики, повышая цифровое разнообразие цифровой инфраструктуры и разнообразие сценариев ее использования пользователями. Однако, разнообразие управляемой системы (в данном случае повышение разнообразия общества как системы мы связываем с повышением разнообразия коммуникационных возможностей в Интернет-пространстве) не могло продолжаться бесконечно. В определенный момент технологический потенциал и разнообразие цифрового пространства стали превышать соответствующее разнообразие системы управления, которая уже не могла с необходимой эффективностью контролировать цифровые общественно-политические коммуникации. По сути, государственные системы оказались не готовы к цифровым технологическим вызовам. В связи с этим управляющая система была вынуждена адаптироваться к изменившимся условиям и осуществлять перебалансировку разнообразия. В связи с этим на следующей этапе жизненного цикла Интернета мы могли наблюдать интенсивное нормотворчество, призванное регулировать возможности использования интернет-технологий и снижать разнообразие пользовательских взаимодействий, запрещая, ограничивая либо регламентируя деятельность цифровых платформ, транслируемого в их рамках контента, активности интернет-пользователей как таковых. В России подобные процессы активно начались в начале 2021 г. с известного «пакета законов Яровой», которые стали реакцией на успешное использование социальных медиа для мобилизации протестных масс в конце 2011 года (события на Болотной площади), а также с активизации деятельности Роскомнадзора. Сегодня большинство технологически развитых государств активно снижают разнообразие цифрового пространства для управляемой системы (общества), при помощи разнообразных нормативно-правовых актов, регламентов, правил, запретов, ограничивая возможности неконтролируемого использования цифрового потенциала.

Одновременно с этим, помимо снижения разнообразия управляемой системы, сами управляющие системы стали активно повышать свое собственное цифровое разнообразие, интенсивно внедряя в собственную практику управления цифровые инструменты. Неслучайно в XXI веке мы стали свидетелями появления разнообразных цифровых моделей общественно-политического и экономического устройства (цифровое правительство, мониторинговая демократия, демократия прямого действия, цифровые партии и др.). Особо обращают на себя

внимание модели, призванные повысить разнообразие капиталистической модели, адаптировать ее к меняющимся технологическим условиям. В результате сегодня существует значительное число связанных с капиталистической системой моделей управления на основе цифровых технологий и ресурсов. В первую очередь, необходимо упомянуть о таких моделях как капитализм платформ (Н. Срничек) и капитализм слежения или надзорный капитализм (Ш. Зубофф), аллократия. Каждая из данных моделей предполагает применение цифровых инструментов в интересах представляющих управляющую систему элит.

Таким образом, на данный момент мы можем говорить о том, что перебалансировка разнообразия между управляющей и управляемой системами была успешно осуществлена в пользу системы управления, что позволило сохранить ей свою эффективную жизнеспособность и даже получить дополнительные пространства и ресурсы для извлечения прибыли и сохранения контроля на основе возникших новых преимуществ. Сам же Интернет прошел 3 стадии своей эволюции: Интернет как расширение офлайн-пространства, Интернет как самостоятельное онтологическое пространство, Интернет как пространство продвижения офлайн-интересов через цифровые каналы.

Очевидно, что для этого было необходимо провести соответствующую работу и в сфере трансформации мировоззрения масс, чья цифровая активность стала залогом развития капиталистической системы на новом уровне, т.к. «в современных условиях глобальной смены технологического уклада и перехода цивилизации к формату так называемого цифрового общества представляется неизбежной и смена ценностных парадигм, носителями которых выступают массы, но формируют которые обладающие возможностями контроля над информационно-коммуникационными ресурсами элитарные группы» [3, с. 51]. Однако, если раньше, в эпоху традиционных СМИ, мы в большей степени говорили о медиатизации мировоззрения, то на сегодняшний день более уместно говорить о его виртуализации.

Для осуществления виртуализации мировоззрения в цифровом пространстве существует целый спектр инструментов, технологий и ресурсов, использующих особенности и возможности цифрового пространства коммуникаций.

В первую очередь, речь идет об экстерриториальном характере цифровых коммуникаций, что позволяет активно влиять на национальные информационные пространства в интересах глобальных акторов. Неслучайно актуальная повестка в сфере национальной безопасности тесно связана с таким ее аспектом, как национальная информационная безопасность, в основе которого находится (или же должен находиться) цифровой суверенитет. Однако, в условиях активного функционирования глобальных цифровых площадок (Google, Facebook⁸, Instagram⁹, Twitter¹⁰, YouTube и др.) обеспечение цифрового суверенитета существенным образом усложняется, т.к. контроль за средствами коммуникаций находится вне юрисдикции государств. Несмотря на активные блокировки внешних ресурсов, технологические возможности обхода таких блокировок снижают эффективность противодействия внешнему информационному вторжению, внешней трансляции мировоззренческих объяснительных моделей. Иными словами, цифровые инструменты коммуникации вносят нежелательное для национальных систем дополнительное разнообразие, снижая возможности эффективной жизнедеятельности национальных и государственных систем. Неслучайно подавляющее число «цветных революций» сопровождалось активным использованием глобальных цифровых площадок для внедрения в массовое сознание населения стран-мишеней альтернативных идей, символов, смыслов, моделей протестного поведения, для изменения мировоззрения «революционных масс», т.е. внесения извне управляемого разнообразия внутрь управляемой системы.

---

⁸ Деятельность корпорации Meta, а также ее платформ Facebook и Instagram признана экстремистской и запрещена в РФ.

⁹ Деятельность корпорации Meta, а также ее платформ Facebook и Instagram признана экстремистской и запрещена в РФ.

¹⁰ Доступ к Twitter в России был ограничен на основании решения Генпрокуратуры РФ от 24 февраля 2022 г.

В свою очередь, в цифровом пространстве уже «колонизированных» государств происходит обратный процесс – упорядочивание, упрощение, универсализация представлений, идей, ценностей и смыслов, что в конечном счете должно привести к единому мировоззрению населения колонизированных стран для упрощения глобального контроля над ними. При этом экстерриториальность и глобальность цифровых коммуникаций позволяет упростить задачу – вместо управления совокупностью индивидуальных мышлений осуществлять управление и контроль над единым сформированным коллективным мышлением, разнообразие которого является по умолчанию минимальным. «Ранее понятие коллективного мышления представляло собой скорее все-таки метафору или просто совокупность множества индивидуальных сознаний как некий фиксирующий реестр знаний, ценностей, ощущений. Сегодня оно становится сущностно коллективным за счет постоянной включенности индивида в глобальные коммуникационные сети» [12, с. 12].

При этом сами принципы работы с массовым сознанием существенно не изменились, изменились лишь технологии, механики и возможности коммуникационной работы в данной сфере.

Задача, связанная с внедрением в массовое сознание универсальных мировоззренческих компонент, по-прежнему является основной в аспекте осуществления информационно-коммуникационного воздействия на пользователей цифрового контента. Отсечение масс от реального мира, внедрение выгодных единообразных убеждений, верований, идей и смыслов по-прежнему выступает ключевым видом информационно-коммуникационной активности.

В результате такого отсечения цифровые ресурсы становятся одним из ключевых инструментов постижения реальности и восприятия окружающей действительности человеком, скрывая от него «за занавесом» истинную картину мира, становящуюся невидимой и недоступной для понимания.

По сути, речь идет о формировании в Интернете цифровых платоновских пещер. Как писал В.В. Миронов, «современный человек также прикован, пусть и не железными цепями, к новостным лентам, сконструированным образам, и часто не способен, да и не особо желает понять, что реальность от этих конструкций может отличаться. Современная пещера — это пространство глобальной коммуникации. Условием такой виртуальной, но не менее реальной прикованности выступают большие данные, посредством которых человек ныне существует в мире и от которых все в большей степени зависит, значительно ограничивая, между прочим, свою внутреннюю свободу. По сути, сознание человека становится предметом компьютерной симуляции». [12, С.14].

Большие данные, о которых писал Миронов, являются новым ресурсом для осуществления информационно-коммуникационной работы в цифровом пространстве. Используя «цифровые следы», которые оставляет каждый пользователь в Интернет-пространстве, и аккумулируя их в массивы больших данных, системы управления сегодня оказываются технологически способны не только анализировать большие сообщества людей, но и определять индивидуальные характеристики каждого человека. В результате формируются уникальные для цифрового пространства возможности индивидуального таргетирования на основе личностных, включая психологические, культурные, языковые, возрастные и иные, особенностей конечного адресата информационно-коммуникационного воздействия. Мы можем наблюдать, как в цифровом пространстве осуществляется переход от традиционного гомогенного (на основе социально-демографических характеристик) к персональному таргетингу в общественно-политической, экономической, социальной сферах жизнедеятельности общества. При этом анализ персональных «цифровых следов» может использоваться для влияния на восприятие индивидом реальных событий, изменения представлений о действительности, трансформации существующих ценностно-смысловых моделей, которыми руководствуется личность в своей жизни.

Неслучайно в рамках концепции капитализма слежения Ш. Зубофф показывает, что перед нами сегодня стоит последняя фаза капитализма – использование поведенческих

прогнозов, тайно полученных в результате наблюдения за пользователями, присвоение данных о поведении пользователей, рассматриваемых как бесплатный ресурс, который можно взять. Сочетание государственного наблюдения и его капиталистического аналога означает, что цифровая технология разделяет граждан во всех обществах на две группы: наблюдателей (невидимых, неизвестных и безотчетных) и наблюдаемых. Это имеет глубокие последствия для демократии, поскольку асимметрия знаний приводит к асимметрии власти.

Как пишет Ш. Зубофф, почти каждый продукт или услуга, название которых начинается со слова «умный» или «персонализированный», каждое устройство с выходом в Интернет, каждый «цифровой помощник» — это просто интерфейс цепочки поставок для беспрепятственного потока поведенческих данных на пути к прогнозированию нашего поведения. Уже недостаточно автоматизировать информационные потоки о нас; теперь **цель состоит в том, чтобы автоматизировать нас**. Эти процессы тщательно разработаны, чтобы порождать невежество, обходя индивидуальное сознание, и таким образом устранять любую возможность самоопределения. «Мы можем спроектировать контекст вокруг определенного поведения и заставить его измениться». По сути, надзорный капитализм отказывается от органической взаимности с людьми, которые в прошлом помогли внедрить капитализм в общество и привязать его, хотя и несовершенно, к общественным интересам [29]. Надзорный капитализм вступает, по мнению Зубофф, «мутантной формой нашей экономической системы, которая просеивает человеческий опыт, находящийся в данных нашего поиска, чтобы получить прогнозы того, что мы будем делать/читать/покупать/верить дальше» [30].

В рамках предложенной нами концептуальной призмы управляющая система обеспечивает себе технологическое разнообразие, позволяющее контролировать управляемую систему — общество, посредством цифрового наблюдения, изучения и изменения поведения индивидов, а также при помощи контекстуального погружения в цифровую информационную капсулу. А сами «цифровые следы» становятся ресурсом цифровой колониальной эксплуатации метрополий, формирующих в собственных геополитических и экономических интересах массивы больших данных.

По сути, мы допускаем технологические возможности персонального капсулирования активных пользователей цифровых информационных ресурсов, создания персональных моделей мировоззрения и индивидуальных реальностей, что стало особенно актуально в условиях пандемии Covid-19, сопровождавшейся переходом от традиционных «аналоговых» взаимодействий между людьми к цифровым интеракциям в условиях вынужденной либо добровольной самоизоляции. Вынужденно оторванные от реальности «люди, погруженные в мир теней, причем прикованные к нему даже не кем-то сознательно, а только собственной привязанностью к виртуальному миру в смартфоне» [12, с. 13], лишь стимулировали развитие надзорного капитализма, придав ему новый импульс. Иными словами, в условиях пандемии цифровые источники информации стали одним из ведущих источников информации, равно как и активно потребляющие цифровой контент пользователи стали еще более активными генераторами цифровых следов для последующей их обработки и использования.

Особо подчеркнем, что применение технологий Big Data подразумевает не просто сбор пользовательских данных, но их активное применение в информационно-коммуникационной работе, адаптацию информационно-коммуникационные воздействия к особенностям отдельных групп населения и отдельных личностей. В результате коммуникационные акты становятся максимально персонализированными. «Технологии из чисто вспомогательного средства, увеличивающего комфортность жизни людей, превращаются в самостоятельный доминирующий фактор, вынуждая человека следовать предписанным алгоритмам» [12, с. 9].

Очевидно, что в таких условиях виртуализация социально-политической реальности становится еще более интенсивной. Цифровые медиазаменители реальности успешно позволяют формировать либо изменять существующие комплексы представлений о мире, миропонимание в целом путем искажения, имитации, симуляции либо симулякризации

реальной действительности. Неслучайно одними из наиболее популярных терминов в последние годы стали *fake*, *post-truth*, *truth decay*, *deep fake*.

С учетом высокой интенсивности и скорости цифровых информационных потоков, информационной перегрузки человеческого сознания, критичность восприятия и способность осознанно перерабатывать получаемую информацию неизбежно снижаются. Как указывает В. Подорога, «скорость предъявления новых информационных сгустков («картинок», «символов», «видео», «фрагментов речи» и т. п.) настолько высока, что нет нужды включать наше воображение: очередной информационный сгусток легко опережает попытку «что-то себе вообразить ... подавляется наша способность воображения (т.е. способность с помощью образа выходить за границы предметного мира) ... Мы вступаем в мир виртуальной событийности (квазиинформационных событий, все притворяется информацией)» [11]. Цифровая практика потребления информации формирует целый спектр проблем психологического и коммуникативного характера, в основе которых лежит сложность и ограниченность возможностей адаптации современного человека к экспоненциально увеличивающемуся потоку данных, а также изменению его структуры и качества. Технологическая эволюция на много порядков опережает биологическую эволюцию человеческого мозга, остающегося по-прежнему преимущественно «аналоговым». Одновременно с этим у современного человека возникает системный хаос в сознании, фрагментация понятий на осколки понятий и разрушается какая-либо взаимосвязь между событиями, причинно-следственные связи становятся невидимыми и неясными. В такого рода условиях у масс неизбежно возрастает потребность в упрощенных, упорядоченных, структурированных и непротиворечивых объяснительных моделях реальности, которые могут быть быстро и комфортно использованы для понимания и оценки реальности. В результате «общественность покупает свои мнения так же, как покупают мясо и молоко» [26, с. 261], и спрос на такого рода готовые мнения лишь возрастает. И «если человек оказывается в такой ситуации навсегда, то иного понимания реальности у него не возникнет, а значит, и истина будет единственной. Более того, пребывание в пещере становится комфортным, ибо просто отдаляет человека от иных возможных проблем, связанных с действительным миром» [12, с. 13]. Как итог – ***процессы самостоятельного смыслообразования для массового сознания становятся практически недоступными, а мировоззрение все в большей степени становится результатом информационно-коммуникационного проектирования***, в системе которого цифровые технологии играют все более значимую роль. Такая ситуация, на наш взгляд, является идеальной для формирования мировоззренческих конструкций извне, погружения индивида в хаос «текущего» мировоззрения в интересах системных акторов, управляющих массовым сознанием, а смещение миропонимания от реальности позволяет обеспечивать задачу сохранения контроля над управляемой системой, т.к. «нам только кажется, что мы живем в физическом пространстве, мы живем одновременно в информационном и виртуальном, которые и формируют наши представления о жизни» [18].

Очевидно, что в глобальном цифровом пространстве, выступающем сегодня в качестве коммуникационного пространства формирования универсальных смыслов, ценностей, значений, культурных кодов, традиционные системы мировоззрения, традиционные национальные культуры, историческая память подвергаются существенному воздействию и в большинстве случаев неизбежно трансформируются в случае попустительства властей, не способных обеспечить национальный информационный суверенитет. Ведь «долгий период вплоть до начала XX в. культура, в которой существовал индивид, казалась наиболее стабильным образованием. Человек рождался в конкретной культуре и соответствующей системе ценностей, жил и умирал в ней, и она казалась ему неким стабильным и непрерывным фоном. Для того чтобы понять, что культура развивается, надо было от нее отдалиться во времени или пространстве. Индивид жил внутри замкнутой локальной культуры, которая очень медленно интегрировала в себя изменения» [12, с. 10]. Теперь же происходит перебалансировка разнообразия в пользу глобальной системы управления за счет

агрессивного навязывания универсальной системы ценностей и смыслов, культурных кодов, мировоззренческих компонент, в первую очередь в глобальном цифровом пространстве.

Заключительные выводы

Подводя итоги исследования, мы можем сделать ряд выводов относительно природы и функций современного мировоззрения. В первую очередь, речь идет о том, что экстерриториальность современных информационно-коммуникационных технологий и развитие глобального цифрового пространства коммуникаций существенным образом усилили потенциал формирования единой системы мировоззрения, включающей в себя универсальные компоненты. Активные попытки реализации подобного сценария со стороны «прогрессивных западных демократий», отражающих интересы исключительно англосаксонской идеологической модели и соответствующих геополитических акторов, мы можем наблюдать в актуальной практике на протяжении десятков лет. Основная цель такой деятельности – глобальное снижение разнообразия национальных мировоззренческих систем, что позволит в перспективе реализовать сценарий единообразного тотального управления миром с единым глобальным центром управления.

Современные технологии информационно-коммуникационного воздействия, сама глобальная информационно-коммуникационная инфраструктура, управляемая англосаксонскими бенефициарами, позволяют сегодня не просто осуществлять традиционное воздействие на массовое сознание, но, агрессивно проникая через границы национальных информационных пространств, активно осуществлять сбор пользовательских данных, выступающих сегодня новым ресурсом цифрового надзорного капитализма для адаптации информационно-коммуникационной деятельности к особенностям отдельных групп населения государств и индивидов. Такого рода адаптивный потенциал позволяет эффективно воздействовать на традиционное миропонимание и мировоззренческие системы, трансформируя и разрушая казавшиеся незыблемыми ценности, смыслы, символы, представления в интересах глобальных геополитических акторов. При этом переход к цифровому точечному таргетированию информационно-коммуникационного воздействия позволяет ослаблять геополитических соперников, внося в их общественные системы дополнительное разнообразие на мировоззренческом уровне, что, в соответствии с законом У. Р. Эшби, существенным образом снижает способность «сопротивляющихся» государств осуществлять эффективное управление на национальном уровне, поддерживать внутри собственной системы порядок, стабильность, согласие и консолидацию на основе общих ценностей, смыслов, символов, представлений. Применение технологий Big Data уже сегодня позволяет формировать индивидуальные мировоззренческие модели, порождая тем самым ценностно-смысловой конфликт на основе фрагментации мировоззрения среди различных групп населения стран-мишеней по принципу «разделяй и властвуй».

Виртуализация цифровых коммуникаций, информационная перегрузка сознания и информационный хаос, оторванность человека от реального мира, его форсированное погружение в цифровую среду лишь усугубляет потенциал воздействия проектируемых моделей мировоззрения на массовое, групповое и индивидуальное сознание, позволяя конструировать искаженную и все более симулированную реальность, характеризующуюся эффектами post-truth и truth decay. По сути, сегодня мы имеем дело с цифровыми платоновскими пещерами, которые, по замыслу глобальных акторов, должны сначала способствовать разрушению традиционных ценностно-смысловых пространств государств, а затем стать единой глобальной пещерой для всего человечества, контролируемой «стоящими за огнем» игроками. И тени на стенах такой коллективной пещеры-изолятора должны стать в конечном счете единообразными, универсальными, отражающими лишь одну систему ценностей, смыслов, идей, верований, представлений...

В подобных условиях особую актуальность приобретает национальный информационный и технологический суверенитет государств, способных противостоять реализации подобного сценария. Эффективная защита и сохранение собственных систем

мировоззрения становятся для современных независимых государств критическим вызовом. Способность отстоять свою суверенность, свои ценностно-смысловые пространства в условиях глобальных технологических трансформаций и цифровизации ключевых сфер жизнедеятельности государственных и общественных систем во многом определит как будущее самих государств и обществ, так и сценарии формирования будущего миропорядка, от степени мировоззренческого разнообразия которого будут зависеть исторические перспективы всего человечества.

Литература

1. *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни. - СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. - М.: Логос, 2005. 390 с.
3. *Володенков С. В.* Одномерное общество 3.0: от Г. Маркузе к цифровому миру XXI века // *Диалог со временем.* - 2020. - № 71. - С. 49–56. - DOI: 10.21267/AQUILO.2020.71.63587.
4. *Грачев Г., Мельник И.* Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. - М.: Институт философии РАН, 1999. 235 с.
5. *Дзялошинский И.М.* Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникаций. - Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. - 432 с.
6. *Дружинин А.М.* От диалога к манипуляции: критический анализ современных медиа-практик // *Философская мысль.* - 2017. - № 1. - С. 1–16. - DOI: 10.7256/2409-8728.2017.1.18534.
7. *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. - Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
8. *Липпман У.* Общественное мнение. - М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
9. *Луман Н.* Реальность массмедиа. - М.: Праксис, 2005. 256 с.
10. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. - М.: АСТ, 2002. 526 с.
11. *Мартов И.* Интервью с философом Валерием Подорогой. URL: <https://gorky.media/context/chitat-filosofiyu-kak-obychnuyu-literaturu-nevozmozhno/> (дата обращения: 25.09.2022).
12. *Миронов В.В.* Платон и современная пещера big-data // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология.* - 2019. - Т. 35. - Вып. 1. - С. 4–24. - DOI: 10.21638/spbu17.2019.101.
13. *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. - М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. 480 с.
14. *Мурьев В.А.* Влияние массовой коммуникации на формирование мировоззрения личности // *Аналитика культурологии.* - 2011. - №19. С. 140-144. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-massovoy-kommunikatsii-na-formirovanie-mirovozzreniya-lichnosti> (дата обращения: 25.09.2022).
15. *Ойзерман Т.И., Жбанкова И.И., Мясникова Л.А.* Мировоззрение // *Гуманитарный портал: Концепты* // *Центр гуманитарных технологий, 2002–2022.* URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7105> (дата обращения: 25.09.2022)
16. *Паренти М.* Демократия для немногих. - М.: Прогресс, 1990. 504 с.
17. *Подвойский Д.Г.* В объятиях картонных богов: о магии имен, силе слов и фетишизме символического в социальной жизни. Часть I // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* - 2022. - №4. - С. 3-20. - DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2301.
18. *Почепцов Г.* Как строят фальшивый информационный мир. URL: https://www.academia.edu/44234677/как_строят_фальшивый_информационный_мир_часть_вт_орая (дата обращения: 25.09.2022).
19. *Рахматуллин Р.Ю., Хамзина Д.З.* Соотношение понятий «мировоззрение», «картина мира», «онтология» // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* - 2013. - № 1-2. - С. 156-159.

20. Самохвалова В.И. «Массовый человек» — реальность современного информационного общества // Материалы научной конференции. Проблема человека: мультидисциплинарный подход. - М., 1998. С. 23-31.
21. Тетруашвили Е.В., Шафростова С.И. Мироззрение современного человека и влияние средств массовой информации на мышление в современном мире // NovaInfo.Ru. – 2016. - №44. - С. 225-228.
22. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. - М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
23. Хардт М., Негри А. Империя / пер. с англ.; под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. - М.: Праксис, 2004. 440 с.
24. Шанахан М. Технологическая сингулярность. - М.: Издательская группа «Точка», 2017. 256 с.
25. Ashby W.R. Introduction to Cybernetics. - Chapman & Hall, 1956, 295 p.
26. Butler S. The Notebooks of Samuel Butler. - Auckland: The Floating Press, 2011. 311 p. URL: <https://archive.org/stream/cu31924013448299#page/n1/mode/2up> (дата обращения: 25.09.2022).
27. Chomsky N. Necessary Illusions, Thought Control International Democratic Societies. – Boston: South End Press, 1990. 183 p. URL: <http://vho.org/aaargh/fran/livres5/ILLUSNS.PDF> (дата обращения: 25.09.2022).
28. Lazarsfeld P., Merlon R. Mass Communication, popular taste and organized social action. In: Bryson, (ed.) The Communication of Ideas. - N.Y.: Harper and Brothers, 1948, 296 p.
29. Naughton J. The goal is to automate us': welcome to the age of surveillance capitalism. <https://www.theguardian.com/technology/2019/jan/20/shoshana-zuboff-age-of-surveillance-capitalism-google-facebook> (дата обращения: 25.09.2022).
30. Naughton J. The Social Dilemma: a wake-up call for a world drunk on dopamine? <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/sep/19/the-social-dilemma-a-wake-up-call-for-a-world-drunk-on-dopamine> (дата обращения: 25.09.2022).

References

1. Arendt H. *Vita activa, ili O deyatel'noj zhizni*. [Vita activa, or On the Active Life]. SPb.: Aletejya Publ., 2000, 437 p. (In Russian).
2. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo*. [The Individualized Society]. M., Logos Publ., 2005, 390 p. (In Russian).
3. Volodenkov S.V. Odnomernoe obshchestvo 3.0: ot G. Markuze k tsifrovomu miru xxi veka. [One-Dimensional Society 3.0: From H. Marcuse to the Digital World of the 21st Century]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2020, I. 71, pp. 49–56, DOI: 10.21267/AQUILO.2020.71.63587. (In Russian).
4. Grachev G., Mel'nik I. *Manipulirovanie lichnost'yu: organizatsiya, sposoby i tekhnologii informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya*. [Personality Manipulation: Organization, Methods and Technologies of Information and Psychological Influence]. M., Institut filosofii RAN Publ., 1999, 235 p. (In Russian).
5. Dzyaloshinskiy I.M. *Filosofiya tsifrovoy tsvivilizatsii i transformatsiya mediakommunikatsiy*. [Philosophy of digital civilization and transformation of media communication]. Chelyabinsk, Izdatel'skiy tsentr YuUrGU Publ., 2020, 432 p. (In Russian).
6. Druzhinin A.M. Ot dialoga k manipulyatsii: kriticheskiy analiz sovremennykh media-praktik. [From Dialogue to Manipulation: A Critical Analysis of Modern Media Practices]. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought], 2017, I. 1, pp. 1–16, DOI: 10.7256/2409-8728.2017.1.18534. (In Russian).
7. Kastells M. *Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve*. [The Internet Galaxy], Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2004, 328 p. (In Russian).
8. Lippmann W. *Obshchestvennoe mnenie*. [Public Opinion], M., Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie» Publ., 2004, 384 p. (In Russian).
9. Luhmann N. *Real'nost' massmedia*. [Die Realitat der Massenmedien], M., Praxis Publ., 2005, 256 p. (In Russian).

10. Markuze G. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyy chelovek: Issledovanie ideologii razvito go industrial'nogo obshchestva* [Eros and civilization. One-dimensional man: a study of the ideology of advanced industrial society], M., ACT Publ., 2002, 526 p. (In Russian).
11. Martov I. *Interv'yu s filosofom Valeriem Podorogoy*. [Interview with philosopher Valery Podoroga]. Available at: <https://gorky.media/context/chitat-filosofiyu-kak-obychnuyu-literaturu-nevozmozhno/> (accessed: 25.09.2022). (In Russian).
12. Mironov V.V. Platon i sovremennaya peshchera big-data. [Plato and the modern cave of big data]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies], 2019, V. 35, I. 1, pp. 4–24. DOI: doi.org/10.21638/spbu17.2019.101. (In Russian).
13. Moskovici S. *Vek tolp. Istoricheskiy traktat po psikhologii mass*. [L'age des foules], M., «Tsentr psikhologii i psikhoterapii» Publ., 1998, 480 p. (In Russian).
14. Murylev V.A. Vliyanie massovoy kommunikatsii na formirovanie mirovozzreniya lichnosti. [The influence of mass communication on the formation of a person's worldview]. *Analitika kul'turologii* [Cultural studies analytics], 2011, I. 19, pp. 140-144. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-massovoy-kommunikatsii-na-formirovanie-mirovozzreniya-lichnosti> (accessed: 25.09.2022). (In Russian).
15. Oyzerman T.I., Zhbankova I.I., Myasnikova L.A. Mirovozzrenie. [Worldview]. *Gumanitarnyy portal: Kontsepty* [Humanitarian portal: Concepts], M., Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy, 2002–2022. Available at: <https://gtmarket.ru/concepts/7105> (accessed: 25.09.2022). (In Russian).
16. Parenti M. *Demokratiya dlya nemnogikh*. [Democracy for the Few], M., Progress Publ., 1990, 504 p. (In Russian).
17. Podvoyskiy D.G. V ob'yat'yakh kartonnykh bogov: o magii imen, sile slov i fetishizme simvolicheskogo v sotsial'noy zhizni. Chast' I. [In the Embrace of Cardboard Gods: About the Magic of Names, the Power of Words and the Fetishism of Symbols in Social Life (Part 1)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2022, I. 4, pp. 3-20, DOI: 10.14515/monitoring.2022.4. (In Russian).
18. Pocheptsov G. *Kak stroyat fal'shivyy informatsionnyy mir*. [How a fake information world is built]. Available at: https://www.academia.edu/44234677/kak_stroyat_fal'shivyy_informatsionnyy_mir_chast'_vtoraya (accessed: 25.09.2022). (In Russian).
19. Rakhmatullin R.Yu., Khamzina D.Z. Sootnoshenie ponyatiy «mirovozzrenie», «kartina mira», «ontologiya». [Correlation of notions “world outlook”, “picture of the world”, “ontology”]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2013, I. 1-2, pp. 156-159. (In Russian).
20. Samokhvalova V.I. «Massovyy chelovek» — real'nost' sovremennogo informatsionnogo obshchestva. [“Mass Man” - the reality of the modern information society]. *Materialy nauchnoy konferentsii. Problema cheloveka: mul'tidistsiplinarnyy podkhod* [The human problem: a multidisciplinary approach: Proceedings of a scientific conference]. M., 1998, pp. 23-31. (In Russian).
21. Tetrushvili E.V., Shafrostova S.I. Mirovozzrenie sovremennogo cheloveka i vliyanie sredstv massovoy informatsii na myshlenie v sovremennom mire. [The worldview of a modern person and the influence of the media on thinking in the modern world]. *NovaInfo.Ru* [NovaInfo.Ru], 2016, I. 44, pp. 225-228. (In Russian).
22. Webster F. *Teorii informatsionnogo obshchestva*. [Theories of the Information Society]. M.: Aspekt Press Publ., 2004, 400 p. (In Russian).
23. Hardt M., Negri A. *Imperiya*. [Empire], M., Praxis Publ., 2004, 440 p. (In Russian).
24. Shanakhan M. Tekhnologicheskaya singulyarnost'. [Technological Singularity]. M., Izdatel'skaya gruppa «Tochka» Publ., 2017, 256 p.
25. Ashby W.R. *Introduction to Cybernetics*, Chapman & Hall Publ., 1956, 295 p.

26. Butler S. *The Notebooks of Samuel Butler*, Auckland: The Floating Press Publ., 2011, 311 p. Available at: <https://archive.org/stream/cu31924013448299#page/n1/mode/2up> (accessed: 25.09.2022).
27. Chomsky N. *Necessary Illusions, Thought Control International Democratic Societies*, Boston, South End Press Publ., 1990, 183 p. Available at: <http://vho.org/aaargh/fran/livres5/ILLUSNS.PDF> (accessed: 25.09.2022).
28. Lazarsfeld P., Merlon R. *Mass Communication, popular taste and organized social action*. In: Bryson, (ed.) *The Communication of Ideas*, N.Y., Harper and Brothers Publ., 1948, 296 p.
29. Naughton J. The goal is to automate us!: welcome to the age of surveillance capitalism. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2019/jan/20/shoshana-zuboff-age-of-surveillance-capitalism-google-facebook> (accessed: 25.09.2022).
30. Naughton J. The Social Dilemma: a wake-up call for a world drunk on dopamine? Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/sep/19/the-social-dilemma-a-wake-up-call-for-a-world-drunk-on-dopamine> (accessed: 25.09.2022).